Глава 5 Г.В.Плеханов об истории русской общественной мысли

Среди литературного наследия Г.В.Плеханова особый интерес представляет его труд «История русской общественной мысли». Этот труд остался неоконченным и полностью был опубликован только в 1925 году.

В качестве комментария к данному труду мы приведем отрывки из предисловия к изданию данной работы известного историка-марксиста Д.Рязанова и критическую статью известного либерального историка А.Кизеветтера. Эти отрывки как нельзя лучше покажут всю специфику написанного Плехановым большого труда.

Предисловие Д.Рязанова (цит. по кн.: Г.В.Плеханов «История русской общественной мысли». Кн.1. М.-Л, 1925. С. IX-XV).

Предложение написать историю русской общественной мысли Плеханов получил от книгоиздательства «Мир» в 1909г., когда он жил в Италии.

По возвращению в Женеву он приступил к выработке плана и в конце октября послал его книгоиздательству. Планировалось 46 печатных листов. Начиная с общего исторического введения, затем время от Екатерины II до Николая II, и заканчивая событиями революции 1905- 1907гг.

Окончательно выработался план только ко второй половине июня 1913г.

Работа должна была состоять из шести частей. Ч.1 — Очерк развития русских общественных отношений. Ч.2 — Движение общественной мысли в допетровской Руси. Ч.3 — Движение русской общественной мысли в XVIII веке. Ч.4 — Общественная мысль в первой половине XIX века. Ч.5 — Движение

общественной мысли эпохи Александра II. Ч.6 – Движение общественной мысли в последнюю четверть XIX века.

Плеханов успел издать 3 части. Закончил деятельностью Н.Радишева.

Странно было бы требовать от Плеханова, чтобы он в «Истории русской общественной мысли» дал обстоятельную историю всей социально-экономической основы этой мысли. От него можно только требовать, чтобы развитие этой мысли он, поскольку это позволяли источники, объяснил развитием борьбы классов. Историческая критика должна выяснить, насколько эта задача выполнена Плехановым, насколько его точка зрения действительно является марксистской.

М.Н.Покровский в своих лекциях «Борьба классов и русская историческая литература» (Петроград, 1923г.) подверг очень резкой критике весь труд Плеханова. Он указывает, между прочим, на новую, не встречающуюся ни в одном из прежних сочинений Плеханова, формулировку теории борьбы классов, как основной пружины исторического развития. Наряду с борьбой классов Плеханов указывает и на их сотрудничество.

Многие взгляды, высказываемые Плехановым в «Истории русской общественной мысли», в которых М.Н.Покровский видит отказ от марксистской концепции, элементы «идеологии» технической интеллигенции, были развиты Плехановым еще в середине девяностых годов.

Статья А.Кизеветтера «Новый труд Г.В.Плеханова по русской истории» (цит. по кн. История русской общественной мысли. Изд. т-ва «Мир»: М., 1915. Т.1. Из книги «Голос минувшего» изд. С.П.Мельгунов. С.323 – 334).

Нечего и говорить о том, с каким большим интересом подойдет к этому тому всякий, кто привык посвящать свое внимание изучению русской истории. Ведь в нашей литературе до сих пор не было цельной специальной работы по истории русского общественного сознания.

Никакие разногласия с общественно-политическими воззрениями Г.В.Плеханова не могут ни в чьих глазах заслонить ни яркого литературного таланта, ни сильного и своеобразного

ума и разносторонней эрудиции этого замечательного писателя и крупного политического деятеля.

Скажем сразу: как научно-исторический опыт истории русской общественной мысли до-Петровской эпохи, книга Плеханова нас не удовлетворяет. Но как собрание содержательных, тонких и остроумных рассуждений и замечаний по вопросам, так или иначе касающимся указанного предмета, книга эта, на наш взгляд, должна быть отнесена к числу весьма интересных новинок нашей исторической литературы.

В сущности, вся эта первая часть представляет собою иллюстрируемый некоторыми историческими примерами общий трактат о степени и характере своеобразия русского исторического процесса.

В русской жизни, по теории Плеханова, всегда зрели зачатки культуры европейского типа, но местные условия, обрекавшие Россию на экономическую отсталость, давали тем самым перевес азиатским стихиям в составе русского исторического развития, и русское государство отливалось в форму слабо европеизированной восточной деспотии. Эта постоянная борьба европейских и азиатских начал, при которой первые никогда совершенно не исчезали, а вторые всегда решительно преобладали, и обусловила собою, по мнению Плеханова, относительное своеобразие русского исторического процесса.

Итак, мы очень высоко ценим ту заслугу Плеханова, что он выдвигает правильную мысль об «относительном своеобразии» русского исторического процесса, но мы полагаем, что вопрос об этом «относительном своеобразии» более сложен, чем представляется нашему автору и что для разъяснения этого вопроса требуется более извилистый и более дробный анализ фактов нашего исторического прошлого, нежели тот, который мы находим во вступительном очерке рассматриваемого тома.

Полезно проследить поочередно развитие каждого из них, но затем необходимо рассмотреть также и их последовательно развивающееся взаимодействие. Нам думается, что на эту вторую задачу г. Плеханов обратил недостаточное внимание и потому данное им изображение идейной борьбы на Руси XV —

XVI вв. не передает всей ее действительной пестроты и сложности.

Недостаточно подробное рассмотрение г. Плехановым истории «бытия» отражается на недостаточно всестороннем разъяснении некоторых важных явлений в истории «сознания».

Остальная часть книги посвящена эволюции общественной мысли во время Смуты в XVII столетии. Вряд ли можно присоединиться к выдвигаемому г. Плехановым тезису о том, что события смутного времени не внесли никаких существенных изменений в общественное мировоззрение русских людей. Литературные произведения, вызванные событиями смутного времени, свидетельствуют о противном.

В главе использованы отрывки из книги Г.В.Плеханова «История русской общественной мысли», вышедшей в трех книгах под руководством Д.Рязанова в Институте К.Маркса и Ф.Энгельса, созданном при Советской власти в 1925г. для изучения творческого наследия марксизма.

1. Г.В.Плеханов «История русской общественной мысли». (цит. по указ. изд. М.-Л., 1925. Кн.1. С. 3 – 363 выборочно) ¹⁵.

Предисловие.

В предлагаемом исследовании, посвященном истории русской общественной мысли, исходил из того основного положения исторического материализма, что не сознание определяет бытие, а бытие сознание. Поэтому, я прежде всего обратился к обзору объективных условий места и времени, определяющих собою ход развития русской общественной жизни. Этому обзору посвящено мое историческое введение. Условиями места я называю географическую, а условиями времени — историческую обстановку названного процесса.

Изучение географической обстановки, - другими словами, свойств географической среды, - казалось мне тем более уместным, что наши историки не всегда посвящали ей должное внимание...

Я держусь того убеждения, что географическая обстановка влияет на характер данного народа лишь через посредство общественных отношений, принимающих тот или другой вид, в зависимости от того, замедляет или ускоряет она рост производительных сил, находящихся в распоряжении данного народа. Анализ географической обстановки русского исторического процесса привел меня к тому заключению, что под ее влиянием рост производительных сил русского народа происходил очень медленно сравнительно с тем, что мы видим у более счастливых в этом отношении народов Западной Европы.

В свою очередь, анализ исторической обстановки показал мне, что она долго усиливала эти обусловленные географической средой особенности, так что в течение довольно продолжительной эпохи Русь, по характеру своего социально-политического строя, все более и более удалялась от Запада и сближалась с Востоком. Это неизбежно должно было наложить отпечаток на то, что называется русским народным духом.

Петровская реформа составила чрезвычайно важную эпоху в истории русской общественной жизни. Ее неизбежным, хотя более или менее отдаленным, следствием явилась европеизация наших общественно-политических отношений, правда, и поныне еще не совсем законченная.

Теперь очень недурно выяснена история «западного влияния» в русской литературе. Но я считал необходимым остановиться на следующей, до сих пор почти незамеченной, особенности названного влияния. Общественно-политические отношения передовых стран Западной Европы, определившие собою ход развития западно-европейской общественной мысли, конечно, не оставались неизменными с тех пор, как «западное влияние» стало заметным образом проникать в нашу страну.

Однако русская интеллигенция только в лице наиболее проницательных своих представителей отдавала себе ясный отчет в этих совершившихся на Западе переменах.

Благодаря этому, у нас часто выходило так: идеологи, заимствовавшие у западных писателей передовые общественные теории, своим появлением знаменовавшие тот до крайности важный исторический факт, что роль передового класса переходила на Западе от буржуазии к пролетариату, придерживались в то же самое время таких философских или литературных понятий, которые знаменовали собою упадок буржуазии, ее отказ от роли передового застрельщика в освободительной борьбе.

Конечно, это было большим минусом в истории нашего умственного развития. Чаадаев с горечью восклицал когда-то: «Лучшие идеи, за отсутствием связи или последовательности, замирают в нашем мозгу и превращаются в бесплодные призраки».

Но историк обязан «не плакать, не смеяться, а понимать». Он должен объяснить, откуда произошел недостаток «связи или последовательности» в миросозерцании многих наших более или менее передовых идеологов.

Введение: Очерк развития русских общественных отношений.

...о полном своеобразии русского исторического процесса не может быть и речи, такого своеобразия вообще не знает социология; но будучи вполне своеобразным, русский исторический процесс все-таки отличается от французского некоторыми весьма важными чертами. И не только от французского. В нем есть особенности, очень заметно отличающее его от исторического процесса всех стран европейского Запада и напоминающие процесс развития великих восточных деспотий.

...учение о *полном* своеобразии русского исторического процесса, ни в каком случае не может закрыть глаза на его *относительное* своеобразие.

Ход развития всякого данного общества, разделенного на классы, определяется ходом развития этих классов и их взаимными отношениями, т.е., во-первых, их взаимной борьбой там, где дело касается внутреннего общественного устройства, и, во-вторых, их более или менее дружным сотрудничеством там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений. Стало быть, ходом развития и взаимными отношениями классов, составлявших русское общество, и должно быть объяснено неоспоримое относительное своеобразие русского исторического процесса.

А Россия? Экономическое, а потому и политическое, развитие было неодинаково в различных частях этой обширной страны. Но, в общем, мы все-таки можем сказать, что домонгольская Русь знала классы, но не знала сословий, а в XIII – XV в.в. можно заметить постепенное появление различий в юридических правах и обязанностях различных классов.

В конце концов, кочевники, в лице татар, совсем остановили самостоятельное развитие юго-западной Руси и вызвали передвижение центра тяжести русской исторической жизни на северо-восток, где географическая среда оказалась еще менее благоприятной для быстрого роста производительных сил населения.

Мы видели, что многовековой натиск кочевников замедлял рост тех производительных сил, которыми располагало оседлое население Руси, и что замедление их роста, в свою очередь задерживало процесс возникновения в ней влиятельного класса держателей земли и определенных норм политической жизни.

Энгельс как нельзя более справедливо заметил, что в основе политического господства всюду лежало отправление общественной службы, и что политическое господство лишь в том случае сохранялось надолго, когда оно выполняло важную

для общественной жизни функцию. Какую же общественную функцию выполнял князь со своей дружиной? Функцию защиты княжества от неприятельских нападений. Князь был военным сторожем земли, по выражению проф. Ключевского. Это вовсе не значит, что он всегда заботливо и удачно выполнял эту свою функцию, и что он не приносил интересов страны в жертву своим собственным интересам. Далеко не все князья обладали умом и энергией Владимира Мономаха и, к тому же, все они руководствовались правилом: своя рубашка ближе к телу.

История России была историей страны, колонизовавшейся при условиях натурального хозяйства. Колонизация означала, как это заметил еще Соловьев, - однообразие занятий и постоянную подвижность населения, мешавшие, - как я прибавил бы от себя, - углублению тех классовых различий, которые возникают вследствие общественного разделения труда. А это значит, что, благодаря указанным условиям, внутренняя история России не могла отличаться интенсивною взаимною борьбою общественных классов. Источник политической силы высшего класса - его экономическое господство над значительною частью населения - не мог быть обильным и притом постоянно грозил иссякнуть благодаря непрерывному переходу этого населения на «новые места». Только в течение того, не очень продолжительного, времени, когда земледельческое население Великороссии отличалось довольно большой густотой, вследствие постоянного притока переселенцев из юго-западной Руси в бассейн верхней Волги и невозможности дальнейшего переселения на север, северо-восток и юго-восток, высшему классу удалось расширить и упрочить свое непосредственное экономическое господство над низшим. Тогда сложилось там довольно крупное и влиятельное боярское землевладение. Но когда рост Московского государства устранил препятствия, временно приостановившие колонизацию, тогда земледельцы опять во множестве устремились на «новые места», и тогда опять во множестве устремились на «новые места», и тогда опять и зашаталось экономическое господство затрещало землевладельцев. Как известно крупное землевладение пережило тогда настоящий кризис. Чтобы найти выход из тяжелого положения, землевладельцы должны были добиваться окончательного прикрепления крестьянина к земле, на что охотно согласилась центральная власть, сама бывшая как мы знаем, крупнейшим землевладельцем и сама не менее бояр страдавшая от крестьянских переходов. Но чем нужнее был для крупных землевладельцев союз с центральною властью ради прикрепления к земле крестьянина, тем слабее должна была становиться их политическая оппозиция великому князю.

По мнению проф. Ключевского, село XVI века и надобно признать одной из главных причин того, что политический строй Московского государства не сделался аристократическим. Но положение села того времени было именно положением села в стране, колонизующейся при условиях натурального хозяйства. Стало быть, эта важная причина сама является одним из следствий подобной колонизации.

Другой, не менее важной, причиной, тоже составляющей следствие колонизации, надо признать обилие тех свободных земель, на которые могло наложить руку московское правительство в открывшихся перед ним во второй половине XVI века новых лесных и степных местностях. Наделяя этими землями низшие и средние слои служилого класса, оно создавало себе в лице этих слоев прочную опору для борьбы с высшим, аристократическим слоем того же класса, с «княжатами» – боярами. Тот факт, что во второй половине XVI века вотчинное землевладение далеко отступило назад перед поместным, в переводе на политический язык означал, что дворянин заставил очень сильно попятиться боярина и помог главе государства беспощадно раздавить все политические претензии «княжат».

Неблагоприятные условия, сильно замедлявшие рост городов Московского государства и развитие в них ремесленной деятельности, вызвали распространение кустарной промышленности в селах и деревнях. Вследствие этого экономическая жизнь крепостной России приобрела

своеобразный характер, парадоксальности которого не видели писатели, любившие ссылаться на низкий процент русского городского населения, как на лучшее доказательство того, что «Россия – не Запад», и что русский человек будто бы знать не хочет промышленного труда, исключительно посвящая себя земледельческому.

С экономической стороны, распространение кустарной промышленности означало внедрению в деревню тех противоречий, которые везде порождаются экономическим прогрессом, и на мнимом отсутствии которых в России основывались упования теоретиков нашей полной экономической самобытности. Но так как при указанных условиях экономический прогресс совершался у нас очень медленно, то и противоречия, порождавшиеся им в экономическом быту деревни, долго оставались в зачаточном состоянии. Производитель, отдававший значительную часть своего рабочего времени промышленному труду, продолжал оставаться крестьянином. И хотя ему самому нередко приходилось прибегать к покупке рабочей силы других, подобных ему, производителей, он был всецело во власти ростовщического капитала, представителем которого выступал в деревне кулак-скупщик.

В то же время жизнь в деревне лишала производителей возможности того объединения своих сил для борьбы с эксплоататорами, которое так облегчается жизнью в крупных городских центрах, и чрезвычайно затрудняла развитие их сознания. Производитель, который нередко извлекал из промышленного труда значительно большую долю своего годового дохода, продолжал хранить все суеверия и все политические предрассудки земледельца. Нечего и говорить, что его умственная отсталость была чрезвычайно полезна для того общественно-политического порядка, который посадил его на цепь крепостного права. Она ручалась за его прочность.

Петровская реформа дала этому государству материальную силу, необходимую для продолжения московской политики

собирания русских земель. Петербург почти доделал то, что не могла доделать Москва. Он объединил все русские земли, за исключением Галичины и Угорской Руси. Но ополяченная часть населения западной России сохранила, а, может быть, даже усилила свои польские симпатии. Она не принимала никакого участия в духовной жизни Руси петербургского периода, более или менее деятельно стремясь к восстановлению старой «Речи Посполитой» или хотя бы только мечтая о таком восстановлении. Настроенная временами очень революционно, она не принимала, однако, никакого участия ни в литературных, ни в политических движениях русского «общества», опять сделавшегося более доступным для западно-европейского влияния со времени реформы Петра, а особенно с конца XVIII века. Это не могло не уменьшать быстроты культурного движения в течение петербургского периода.

Русское государство оказывалось относительно более бедным культурными и оппозиционными силами, чем оно было бы при других условиях своего развития. Таким образом, почти доконченное Петербургом собирание русских земель изменило соотношение общественных сил в России не в пользу прогресса, а в пользу застоя. Эта неблагоприятная для прогресса перемена в соотношении общественных сил явилась как бы историческим наказанием всего русского народа за то, чем погрешила собственно только великорусская его часть: за продолжительное господство в Москве общественно-политического строя, свойственного восточным деспотиям. Разумеется, так было только до тех пор, пока центр тяжести русской культурной жизни оставался в пределах высшего общественного сословия, потому что только это сословие тяготело к западной России, к Польше. Но русская культура очень долго оставалась почти исключительно дворянской культурой.

Вопреки тому, что говорили о нем славянофилы, Петр своей преобразовательною деятельностью вовсе не шел против общего течения русской исторической жизни. Но его царствование было одной из тех, совершенно неизбежных в процессе социального развития, эпох, когда постепенно накопляющиеся

количественные изменения превращаются в качественные. Такое превращение всегда совершается посредством скачков, которые при недостатке осведомленности или вдумчивости кажутся внезапными, т. е. совершенно лишенными надлежащей органической подготовки.

«Первоочередное преобразовательное дело Петра» (выражение проф. Ключевского), - реформа армии, - издавна подготовлялась умножением полков «иноземного строя».

Своей реформой армии Петр сделал то самое дело, которое очень задолго до него выполнили в своей стране французские короли. И совершенно так же, как во Франции, реформа армии внесла у нас новый смысл в отношение высшего класса к земле. Прежде смысл заключался в том, что землевладение давало высшему классу возможность нести военную службу. Теперь, когда класс этот стал получать за свою службу денежное, а не земельное «жалованье», он должен был или перестать владеть землею или владеть ею уже на каком-то новом основании. Перестать владеть ею было очень невыгодно для него, и он избежал такого невыгодного оборота дела, воспользовавшись своим положением высшего класса, с интересами которого не могло не считаться даже деспотическое правительство. К тому же экономическое разорение этого класса, из которого продолжали вербоваться главные служилые элементы, было не в интересах государства. Поэтому Петровская реформа и тут совершила лишь то, что было подготовлено предшествовавшим ходом русского общественного развития.

Борьба дворянства с боярством.

Не общественное сознание определяет собою общественное бытие, а общественное бытие определяет собою общественное сознание. Московским публицистам XVI века были совершенно недоступны те общественно-политические понятия, которые были выработаны передовыми публицистами тогдашней Франции. Бодэн вполне правильно отнес «Московию» к числу вотчинных монархий. Общественные силы все больше и больше закрепощались в ней государством, глава которого естественно третировал их, — на что обратил внимание еще Бодэн, — как

своих холопов. При таком направлении общественного развития, публицисты, по той или по другой причине отстаивавшие царское самодержавие, не могли даже и представить себе таких «законов природы», которые полагали бы ей какие-нибудь пределы в гражданском или экономическом быту. Мы знаем, что Пересветову не только не было чуждо понятие свободы, но он ясно видел причинную связь многих общественных зол с порабощением. Однако в своих практических планах он не шел дальше отмены холопства. Он был идеологом той части служилого сословия, судьба которой теснейшим образом связывалась с судьбой поместного землевладения.

Историческое значение Грозного в том и заключается, что он с помощью своей опричнины завершил превращение Московского государства в такую монархию, т. е. в монархию восточного типа. Значение же его писем к Курбскому состоит в том, что они содержат в себе идеологию «вотчинной монархии».

Весь вопрос в том, что же именно нового внес Иван IV в теорию и практику Московского государства? А на этот вопрос может быть только один ответ: введенная им новизна означала полное уничтожение всего того, что так или иначе задерживало превращение жителей Московского государства в рабов перед лицом государя, совершенно бесправных как в личном, так и в имущественном отношении.

После смутного времени.

В стране, продолжавшей оставаться колонизующейся страною, это роковым образом вело ко все большему и большему закрепощению всех слоев населения, а в особенности трудящейся массы, для непосредственной или посредственной службы государству.

Скорость движения постоянно возрастала, а его результаты делались все более и более выпуклыми.

...Ключевский отмечает, что только десятая часть (10,4 %) городской и сельской тяглой массы удержала за собой тогдашнюю свободу (т.е., вернее сказать, была закрепощена непосредственно государству), а почти девять десятых ее попало

в крепостную зависимость от церкви, дворца и военно-служилых людей.

... я замечу с своей стороны, что так как государственный организм продолжал «расти» в прежнем направлении, в нем не могли возникнуть какие-нибудь новые политические стремления и взгляды. Исследователи говорят иногда о воспитательном значении Смутного времени. И нельзя не согласиться, что значение это было далеко немаловажно. Смута принудила людей Московского государства к самодеятельности. Но их вынужденная самодеятельность ярче всего выразилась в восстановлении и упрочении «вотчинной монархии», главнейшие отличительные черты которой определились уже во второй половине XVI века.

Точно так же Смута сделала людей Московского государства более требовательными, чем были они прежде. Недаром историки называют XVII столетие веком народных волнений. ...характер народных волнений XVII века вполне соответствовал характеру тех социально-политических отношений, против которых восставала волновавшаяся народная масса. Новых политических понятий не возникало и в процессе волнений, хотя он становился подчас весьма острым. Общественное сознание изменяется только там, где происходят перемены в общественном бытии.

С точки зрения качественного анализа, химический состав воды одинаков с составом перекиси водорода. Каждое из этих тел образуется соединением кислорода с водородом. Но с точки зрения количественного анализа, между ними есть несомненная разница: перекись водорода (H₂O₂) богаче кислородом, нежели вода (Н2О). И этим количественным различием объясняется большое различие их свойств, т. е. качественная разница между ними. Нечто совершенно подобное мы видим и в истории. С качественного анализа, социально состав точки зрения Московского государства был одинаков Французского королевства: и тут, и там были крестьяне, торговоаристократия, дворянство, население, промышленное

духовенство и, наконец, монарх. Но количественный анализ открывает большую разницу в их социальном составе: вследствие большой экономической отсталости Московского государства сравнительно с Францией торгово-промышленное сословие играло в первом из этих двух государств гораздо менее влиятельную роль, нежели во втором. В своей борьбе с феодальными землевладельцами московский монарх опирался преимущественно на поместное дворянство, а французский - на третье сословие. Географическая среда гораздо менее благоприятствовала развитию сил в Великороссии, нежели во Франции. Это важное обстоятельство, обусловившее собой количественную разницу в социальном составе населения двух названных стран, вызвало также весьма существенное различие во взаимных отношениях составных социальных элементов той и другой. Московское государство было страной, в которой на очень долгое время затянулся процесс колонизации при преобладании условий натурального хозяйства. Неизбежным следствием исключительной деятельности этого процесса явилась крепостная зависимость трудящейся массы по отношению к частным лицам и государству.

Таким образом «бунташное время» выдвигает перед нами то же самое социально-психологическое явление, которое мы уже имели случай наблюдать, изучая состояние мысли в высших классах Московского государства. Недовольные добиваются не изменения социально-политического устройства, а только новых, менее тяжелых для данного общественного класса или государственного управления. Историки слоя, приемов объясняют обилие народных волнений в царствование Алексея Михайловича тем, что Смутное время отучило московский народ от пассивного подчинения власти. По всей вероятности они правы. Но если они правы, то тем более замечателен тот факт, что, даже отвыкнув пассивно подчиняться властям, московский народ отнюдь не выдвигал таких требований, которые хоть немного шли бы в разрез с основами «вотчинной монархии».

«Бунташное время» нисколько не поколебало, — ни в посадах, но в деревнях, — традиционного отношения московского народа к верховной власти. Чтобы поколебать его, недостаточно было распространявшихся между «гелевщиками» слухов о том, что царь по своей слабости или неопытности мирволит служилым людям. ...оно немного заколебалось под влиянием раскола. Но очень немного. В сущности, оно и тогда совсем не изменило своей природы.

Первые западники. – Ордин-Нащокин.

Людей, подобных кн. Ив. Хворостинину и Воину Нащокину, «тошнило» в Москве и тянуло за рубеж. Но им трудно было приспособиться и к западно-европейской жизни. Их беда, большая, неизбывная беда, заключалась в том, что они были иностранцами по обе стороны московского рубежа.

Вынужденное безделье и томительная неопределенность положения заставляли их поклониться тому, что прежде сжигалось ими. Молодой Ордин-Нащокин раскаялся в своей «измене» и был прощен.

К сожалению, мы никогда не узнаем, что передумал и перечувствовал он, прося помилования и переселяясь, — по своей воле и по приказанию начальства, — из-за границы в Москву, из Москвы в отцовскую деревню, из деревни в монастырь, из монастыря сначала опять в деревню, а потом на воеводство.

На него можно смотреть как на одну из самых первых жертв поворота Москвы от Востока к Западу. «Тошнота», испытанная им в Москве и побудившая его бежать за границу, есть то тяжелое настроение, пережить которое пришлось впоследствии многим и многим русским западникам.

Первые западники. – Котошихин.

Князь Юрий Долгорукий «улещивал» Котошихина, чтобы тот поддержал донос его на князя Якова Черкасского. По той или по другой причине Котошихин отказался сделать это, чем, конечно, навлек на себя неудовольствие князя Юрия. Тогда у него и сложилось окончательное намерение покинуть родину.

Написанное Котошихиным сочинение о России содержит в себе много важнейших данных для характеристики Московского государства XVII века. С точки зрения истории русской общественной мысли, оно очень важно, как человеческий документ, свидетельствующий о том впечатлении, которое производила допетровская Москва на способного русского человека, имевшего некоторое понятие о западно-европейской общественной жизни и не стоявшего на высоких ступенях общественной иерархии.

Князь Ив. Хворостинин упрекал московских людей в недостатке правдивости. Котошихин осуждает грубость их «натуры», при чем объясняет ее отсутствием в них «богобоязливости».

Котошихину трудно было помириться с тем, что московские люди не учатся. Он хотел бы, чтобы учились не только мужчины...

Первые западники. – Крижанич.

Хворостинин, Ордин-Нащокин и Котошихин являются представителями западного, – в тогдашней Москве еще только зарождавшегося, – направления русской общественной мысли. В лице Юрия Крижанича мы имеем дело с не менее новым тогда, славянофильским, – точнее, панславистским, – направлением. Не следует, однако, думать, что панславизм Крижанича имеет много общего с нашим позднейшим панславизмом или славянофильством.

Крижанич не был придворным жителем Московского государства. Он пришел, – по его выражению, – жить под крылом милости русского царя, руководимый своей горячей любовью к славянскому племени. Ему хотелось поселиться среди того народа, который один изо всех отраслей великого славянского племени был не «подвержен» чужеземцам: «ляхов» он считал уже совершенно подчинившимися иностранному влиянию. В Москве он собирался составить грамматику и лексикон славянского языка, а также написать русскую историю. Наконец, он надеялся, как видно, попасть ко двору и, благодаря своим обширным и разнообразным знаниям, сделаться царским

советником. Он много писал; но для нас здесь важно его незаконченное сочинение, посвященное политике («Политические Думы»).

Трудно сказать, в каком виде представлялась Крижаничу русская жизнь до его приезда в Москву. Но мы ясно видим, что его московские впечатления были не из приятных.

Неутомимый защитник славянства и непримиримый противник «немцев», он громко упрекал иностранных путешественников в том, что они писали о московском народе «срамотные солганые повести». Но при этом он сам был вынужден признать, что не все ложь в «срамотных повестях».

Главным источником зол в Московском государстве служит, по мнению Крижанича, именно «крутое владание». При умеренном «владании» государство это было бы вдвое более населенным. «Крутое владание» больше препятствует умножению населения, нежели стихийные бедствия.

Первые западники. – Голицын.

В.А.Ордин-Нащокин, И.А.Хворостинин, Г.К.Котошихин не нашли в окружающей их общественной обстановке приложения для своих богатых духовных сил. Поэтому каждого из них так или иначе «иршнило» в современной им Москве. Судьба князя В.В.Голицына была другая. Он, несомненно, был убежденным запалником. Но обстоятельства сложились так, что он имел возможность, по крайней мере, попытаться видоизменить окружавшую его некрасивую действительность. Поэтому «тошнота» вряд ли была преобладающей чертой его настроения. Как преобразователь, он должен был вести упорную борьбу со множеством практических препятствий. Известно, что борьба только закаляет сильные характеры. Но кн. В.В.Голицын едва ли обладал очень сильным характером. К тому же политический строй Московского государства делал доступным для этого родовитого боярина только один вид борьбы: борьбу с помощью придворной интриги. Придворная интрига дала ему на несколько лет почти всю полноту власти. Она же приготовила ему очень жалкий конец.

Своим составом библиотека В.В.Голицына напоминает о том переходном времени, когда в Московском государстве польское влияние боролось с «немецким» и было сильнее его. Польскому влиянию предшествовало, как известно, западнорусское. В.В.Голицын охотно оказывал услуги ученым киевлянам. Когда возгорелся спор о времени пресуществления св. даров, он, — уже бывший фаворитом царевны Софии, — принял сторону западно-русских богословов против греческих...

Раскол.

Я сказал бы: раскол явился хотя и своеобразным, но несовершенным и неправильным органом народного самообразования.

Для прогресса общественного бытия в высшей степени важно, чтобы всякий данный «орган народного самообразования» был «совершенным» и «правильным». А всякий такой орган тем более правилен и совершен, чем более он целесообразен, т. е. чем лучше понимает народ, через его посредство, причинную связь явлений общественного бытия. Едва ли нужно пояснять, почему это так: для борьбы с общественным злом необходимо правильное понимание его причины. Но мы сейчас видели, что старообрядческая идеология не только не облегчала, а прямо затрудняла народу понимание истинных причин его тяжелого положения. Поэтому раскол, если и был органом народного самообразования, то неправильность и несовершенство этого органа достигали такой степени, что он являлся в то же время органом народного застоя, а вовсе не прогресса, каким его считал Костомаров.

Чем более расширялись и упрочивались основы московской «вотчинной монархии», тем менее благоприятными становились общественные условия для умственной деятельности народной массы. И когда значительная часть этой массы приняла довольно широкое и очень энергичное участие в борьбе за старую веру, она тотчас обнаружила всю ту поразительную слабость

общественного самосознания, которая обусловливалась социально-политическими отношениями Московского государства. Поэтому невозможно считать раскол, как это делает Костомаров, явлением, чуждым старой Руси; в нем лучше, выпуклее, ярче, нежели в каком-либо другом, выразила свою духовную природу именно старая Московская Русь.

Трудящаяся масса шла за «помощничками» Стеньки Разина, повинуясь «бунташному» настроению. В Московском государстве сельское население было, — как оно бывает везде и всегда, — более пассивно, нежели городское. Поэтому в городах «бунташное» настроение проявило себя уже в 1648 — 1650 и 1662 гг., а в деревнях только в 1670 — 1671 гг.

Тогда не было налицо таких условий, которыми создавалась бы объективная возможность водворения нового общественного порядка и тем самым обеспечивалась бы победа народного движения, направлявшегося против старых социально-политических отношений. Выше я уже отметил, что «воровскому» казачеству приходилось считаться с монархическими убеждениями шедшей за ними тяглой массы.

Народная масса, видевшая в Разине смирителя всех ее пиходеев и на всем пространстве Московского государства готовая встречать своего «батюшку» с хлебом и солью, надеялась на него много больше, нежели на самое себя. Вот почему она поднималась там, где появлялись казаки, и покорно подставляла шею под старое ярмо там, где казаки вынуждены были предоставить ее собственным ее силам. Да и само казачество, ставшее во главе недовольного народа, было противодействием старого новому, а не нового старому. Сообразно с этим, царское войско, в котором уже были тогда полки, обученные по-европейски, показало себя более искусным в ратном деле, чем казаки, посвящавшие, однако, тому же делу всю свою жизнь. Но, несмотря на все это, бунт Разина представляет собою общественное явление, несравненно более богатое жизненной энергией, чем раскол старообрядчества.

Психология русских народных движений еще недостаточно изучена. Но едва ли мы ошибемся, предположив, что склонность

народной массы к расколу была обратно пропорциональна ее вере в возможность собственными силами победить царящее зло, и что, таким образом, раскол с особенным успехом распространялся после выпадавших на долю народа крупных поражений. По всей вероятности, тут совершался тот же социально-психологический процесс, который мы до сих пор можем наблюдать в нашей интеллигенции, с наибольшим усердием предающейся «религиозным исканиям» именно в мрачные эпохи торжества реакции и упадка общественной энергии.

2. Г.В.Плеханов «История русской общественной мысли». (цит. по указ. изд. М.-Л., 1925. Кн.2. С. 20 – 296 выборочно).

Влияние реформы.

Европеизуя Россию, Петр доводил до его крайнего логического конца то бесправие жителей по отношению к государству, которое характеризует собою восточные деспотии. Не церемонясь с трудящимся населением («с государевами сиротами»), царь-преобразователь не считал нужным церемониться и со служилыми людьми («с государевыми холопами»). Приобретение разного рода технических знаний (изучение «навигацкой» науки и «инструментов») сделалось одним из многочисленных видов натуральной повинности: натуральной повинностью дворянства. Мы уже знаем, что дворянство плохо исполняло эту свою повинность, но все-таки в известной, хотя и незначительной, мере исполняло. В свою очередь, глава государства дорожил дворянством лишь в той мере, в какой оно исполняло свою обязанность служить и готовиться к службе. Петр неустанно твердил дворянству, что только посредством службы оно делается «благородным» и отличным от «подлости», т. е. от простого народа. Но если только служба делала дворян «благородными», то было вполне естественно давать дворянские права всякому заслуженному человеку. Петр так и поступал. По указу 16 января 1721г. всякий, дослужившийся до обер-офицерского чина, получал потомственное дворянство. Установляя в январе следующего года знаменитую «Табель о рангах», Петр пояснял, что люди знатной породы не получат никакого ранга до тех пор, пока они не покажут заслуг государству и отечеству.

Иначе, разумеется, и быть не могло. Откуда явилась бы сильная склонность к просвещению в такой общественной среде, до которой просвещение раньше почти совсем не доходило?

Вотчинная монархия была почвой, совсем неблагоприятной для развития просвещения. Но если, несмотря на то, уже в допетровскую эпоху мы встретили в Москве некоторых отдельных людей, искренно увлекавшимися западными обычаями и западной наукой, то естественно ожидать, что при Петре и после него такие люди, не переставая быть менее редкими станут, однако, уже исключениями, исключениями. И мы в самом деле видим, что со времени Петровской реформы на Руси не переводятся искренние приверженцы западного просвещения. В среде этих людей и развивалась русская общественная мысль. Один из ближайших помощников Петра, сам принадлежавший к ним, - несколько раз цитированный мною выше Феофан Прокопович, - назвал их ученой дружиной.

«Ученая дружина» и самодержавие.

Западников допетровской эпохи, — Хворостинина, В.Ордина-Нащокина, даже Котошихина, — «тошнило» в Москве. «Тошнота» — мучительное ощущение. Чтобы избавиться от нее, одни бежали за границу, другие постригались в монахи.

На сочувствие со стороны окружающих им приходилось оставить всякую надежду. Точно так же им и в голову не могло прийти, что наступит время, когда правительство потребует от русских людей усвоения западных обычаев и западных знаний под страхом жестокого наказания. У них не было основания верить в просветительные намерения московских государей.

Поэтому у них не было и стремления служить государям «не токмо за страх, но и за совесть». Они мало думали о политических вопросах и плохо разбирались в них. Но их настроение не было и не могло быть настроением деятельных сторонников московского самодержавия.

Теперь навлечь на себя преследования рисковали не те, которых «тошнило» от старых московских порядков, а наоборот, те, которые испытывали «тошноту» при виде порядков и обычаев Западной Европы. Это значит, что положение наших западников существенно изменилось.

Россия перерождалась на их глазах, сближаясь с тем самым Западом, культура которого так высоко ценилась ими. Мы знаем теперь, что процесс преобразования России надолго оставил неприкосновенными, а в некоторых отношениях даже упрочил старые основы ее социально-политического строя. Мы знаем также, что европеизация России долго оставалась весьма поверхностной. Но современникам Петра дело представлялось совершенно в другом виде. Основных вопросов общественнополитического быта никто из русских людей тогда еще не поднимал; что же касается второстепенных, производных черт общественной жизни, то как противники, так и сторонники реформы Петра находили их изменившимися до неузнаваемости. И они относили эту перемену на счет государя. Неутомимый защитник преобразовательной деятельности Петра, Феофан Прокопович, нимало не лицемерил, говоря, что Россия есть статуя Петра, и называя первого русского императора виновником бесчисленных благополучий наших и радостей, виновником, воскресившим свою страну аки от мертвых.

Чтобы оценить силу впечатления, произведенного на русских людей некоторыми из ближайших последствий Петровской реформы, надо вспомнить, какими глазами начинали смотреть на себя московские люди во второй половине XVII столетия. Сравнивая силы своей страны с силами западноевропейских государств, они с горькой насмешкой поговаривали, что трудно рассчитывать на победу московскому «плюгавству».

Нарва показала, насколько справедливо было это пренебрежительное мнение московских людей о самих себе. Но Полтава с другими победами, ей предшествовавшими и за ней следовавшими, давала им приятный повод думать, что время «плюгавства» безвозвратно миновало, и что отныне Россия может успешно бороться с любым из западно-европейских государств. Сознание этой перемены поднимало в них чувство самоуважения, льстило их народной гордости.

В «Слове похвальном», произнесенном в день рождения царевича Петра Петровича, Феофан очень ярко выразил это переживание русских западников.

Увлечение Петром способствовало распространению в русском западническом лагере того взгляда, что у нас великие преобразования могут итти только сверху. Этот взгляд разделял еще Белинский, под его влиянием склонявшийся к признанию славянофильского учения о полном своеобразии русского исторического процесса. Мы увидим, что Белинскому и его последователям невозможно было соединить такие понятия в одно стройное целое с другими их общественными взглядами, заимствованными у передовых писателей современной Европы. Эти понятия делали противоречивым социально-политическое сгедо наших просветителей XIX века.

Не то было с просветителями первой половины XVIII столетия. Социально-политическое credo «ученой дружины» было гораздо проще. В нем не было таких элементов, которых нельзя было бы логически согласить с тем убеждением, что нас все великое идет сверху. Поэтому они оставались вполне верными себе, когда не только безо всяких оговорок восторгались личностью и деятельностью Петра, но вообще упорно отстаивали идею самодержавия. Прокопович, Татищев и Кантемир могут считаться первыми идеологами абсолютной монархии в России.

В своем качестве духовного лица Прокопович не скупился на тексты.

...в политическом отношении вождь ученой дружины ни на шаг не подвинулся дальше той точки, на которой стоял его непримиримый противник Яворский, склонный к консерватизму и лишь с большими оговорками одобрявший реформу.

Наш просвещенный западник в *политическом* отношении ни на шаг не подвинулся дальше Иванца Пересветова, тоже бывшего, как помнит читатель, убежденным сторонником монархизма в его восточной беспредельности. Но Пересветов выдвигал вопрос об освобождении кабальных холопов.

Перед Прокоповичем никогда не вставали подобные социальные вопросы.

Положение народной массы, невероятно дорого заплатившей за преобразование России, интересовало его, как видно, меньше, чем некоторых современных ему прожектеров или членов Верховного Тайного Совета, которых крайняя бедность крестьянства беспокоила хотя бы по той причине, что «когда крестьянина не будет, тогда не будет и солдата».

Несмотря на свои приятельские отношения к Татищеву, Прокопович был довольно сильно раздражен его резким и смелым суждением о книге «Песнь Песней».

Более чем вероятно, что в богословии Василий Никитич [Татищев] был «неискусен». Но «малорассудным» он не являлся никогда и нигде. «Рассудочность» составляет главную отличительную черту его мышления.

В русской истории, географии и в истории русского права он выступил самостоятельным исследователем. Вообще ему было недурно известна философская и политическая литература того времени. И именно потому, что он был, вероятно, «неискусен» в богословии, его миросозерцание имело перед миросозерцанием Прокоповича то огромное преимущество, что было совсем свободно от схоластического сора и отличалось совершенно светским характером.

Эта сторона его взглядов делает его одним из самых интересных представителей того типа русских людей, который сложился под непосредственным влиянием Петровской реформы.

В Московской Руси образование имело «духовный» характер и, за самыми редкими исключениями, составляло монополию духовенства, учившегося редко, мало и неохотно. Петровская реформа так или иначе отдала в ученье новый общественный класс и, заставив его приобретать знания, относящиеся к земной, а не к небесной жизни, привила своим лучшим деятелям твердое убеждение в том, что учиться надо постоянно, много и усердно. «Ученая дружина» с жаром отстаивала это убеждение, преимущественно налегая на светские науки. В этом отношении сходились между собой все сторонники реформы...

Татищев — решительный сторонник веротериимости. Он резко осуждает преследование раскольников, хотя и считает их «безумными». Верный своему утилитарному взгляду на вопросы знания и общежития, он доказывает, что религиозные распри приносят большой вред государствам, и ставит на вид, что они происходят, собственно, от корыстолюбивых попов и от суеверных ханжей, «между же людьми умными произойти не могут, понеже умному до веры другого ничто касается и ему равно лютор ли, кальвин ли, или язычник с ним в одном городе живет, или с ним торгуется, ибо не смотрит на веру, но смотрит на его товар, на его поступки и нрав».

... в политике Татищев совершенно чужд каких-нибудь разрушительных стремлений. Так же решительно чуждался он их и в области социальных отношений. Он был помещиком и, в качестве человека, прошедшего суровую школу Петра Первого, как видно, крутенько расправлялся с теми своими крепостными, которых почему-либо находил виноватыми. «Для винных людей иметь тюрьму», - писал он своим приказчикам.

Вообще он стоял за распространение знаний в народе, указывая на государственные, преимущественно военные нужды. В этих указаниях очень много ума.

Но тут он остается, как был, «шляхтичем». Он непременно хочет, чтобы учащееся «шляхетство» было «особо от подлости отделено». Общение дворянских детей с прислугой и с

«рабскими детьми» кажется ему очень вредным в нравственном отношении.

Но что всего замечательнее, так это отношение Татищева к женщине. Особенность этого отношения обнаруживается отчасти уже в его заботливости о том, чтобы грамоте обучались его крепостные *обоего* пола.

Усердно неся государственную *службу*, Татищев не хотел, однако, «прислуживаться» и с большим недоверием смотрел на придворных.

Наконец, просветителем же является он и в своем общем взгляде на главную причину исторического движения. Движение это объясняется у него «просвещением ума». Но что такое просвещение ума? Накопление и распространение знаний. А что такое знание? На этот вопрос русский просветитель первой половины XVIII века отвечал не вполне так, как отвечали на него французские просветители, особенно во второй половине того же столетия.

Французские просветители относились к религии отрицательно. Поэтому религиозные представления не имели в их глазах ничего общего с научными понятиями. Успехи просвещения должны были, по их словам, расшатывать религиозную веру и суживать ее область. Не так смотрел Татищев. Мы уже видели, что он уважал права религии. В его философии истории отводится широкое место развитию религиозных представлений, как средству просвещения.

Немало сделал Татищев также для истории русского права. По мнению С.М.Соловьева, он и здесь является первым издателем памятников и первым их истолкователем. Он приготовил к изданию Русскую Правду и Судебник царя Ивана с дополнительными статьями. Наконец, этот замечательный человек был автором первых трудов и по русской географии.

Как и все птенцы Петровы, В.Н.Татищев выступал в самых различных областях практической деятельности: он был и горным инженером, и артиллеристом, и администратором.

В царствование Анны он, не угодный Бирону, попал под суд и страдал от судебной волокиты чуть не до самой смерти своей.

Кроме очень многого другого, от внимания Татищева не ушел и вопрос *о чистоте русского языка*.

Но литература собственно так называемая мало влекла к себе Татищева. В «ученой дружине» специалистом по части литературы был князь А.Д.Кантемир.

Его сатиры могут быть названы классическими в том смысле, что мы знакомимся с ними еще в школе. Но он писал не только сатиры. Он сочинял также «песни», «письма», разного рода мелкие стихотворения...

Кроме всего этого, он усердно занимался переводами в стихах (Анакреон, Гораций) и в прозе (Фонтенелль, Монтескье). Наконец, до нас дошло, правда, в весьма плохом списке одиннадцать философских писем его о природе и человеке.

... подобно Татищеву Кантемир не только писал, но и *служил*. Так и долго после него делали почти все русские писатели: недаром они были выходцами из *служилого сословия*.

В глазах этих служилых людей, посвящавших свои досуги «сочинительству», служба была важнее литературы.

При Анне положение «ученой дружины» несколько улучшилось. Но и при ней оно было далеко не из легких. А главное, и при ней достигать степеней известных можно было только с помощью всякого рода интриг и происков.

При таком положении дел «златая умеренность» Кантемира являлась единственным средством обеспечить себе некоторую долю благородной независимости.

Любознательность Кантемира распространялась также и на *политику*.

В политике, по его мнению, должна быть одна цель — забота о счастии людей; а имя отца народа должно определять обязанности государя; интересы государя и народа всегда должны итти рука об руку...

Кантемир думал, что счастливыми могут быть только те народы, у которых правила эти лежат в основе государственного управления.

Кантемир, живя в России, как и все птенцы Петровы, был убежденным сторонником абсолютизма и... принимал довольно деятельное участие в дворянской реакции против попытки верховников ограничить власть императрицы Анны.

...усваивая себе учения западно-европейских просветителей, Кантемир, как и Татищев, не переставал быть идеологом служилого класса. В качестве такого идеолога он, опять подобно Татищеву, мог лишь в известной, довольно ограниченной мере, проникаться названными учениями.

Влияние Петровской реформы.

Всем известно теперь, какой дорогой ценой пришлось заплатить русскому народу за реформу Петра Первого.

Но реформа была вызвана общественной потребностью, назревавшей хотя медленно, но неуклонно. Поэтому народ не мог видеть одни только отрицательные стороны ее. Известные, правда, весьма и весьма немногочисленные представители его рано заметили те выгоды, которые она должна была принести России, и отнеслись к ней с сочувствием, иногда довольно сдержанным, а иногда доходящим до беспредельного восторга. Пока достаточно будет указать на Посошкова и Ломоносова.

Самое замечательное сочинение Ивана Тихоновича Посошкова – «Книга о скудости и богатстве» – было напечатано в 1842 году М.П.Погодиным.

В сочинениях Посошкова, посвященных светским вопросам, обнаруживается большая и вполне осмысленная заботливость о развитии производительных сил России и огромное уважение к техническим занятиям.

Но что же нужно делать для того, чтобы развить производительные силы России и научить ее жителей чуждаться

праздности? Нужно учиться у иностранцев, этого миновать нельзя.

Петр именно старался размножить мастерства на Руси. Поэтому наш автор не мог не сочувствовать его начинаниям. Но экономический быт Московского государства не развил в его жителях ни сознания важности технических знаний, ни склонности дорожить временем. Московский человек неохотно шел в ученье к иностранцам. Ввиду этого Петр находит, что этого человека надо заставить учиться. И точно также, очевидно, на основании тех же самых наблюдений, то же самое говорит Посошков. По его мнению, нельзя без того, чтобы не «приневолить».

Но Петр был государем, а Посошков только «государевым сиротою». В качестве сироты он очень хорошо знал, сколько злоключений выпадало на долю простого русского человека, который поступал, — точнее, которого отдавали, — в науку к иноземцам.

Он понял, что надо учиться у иностранцев; но он видел, что иноземцы имеют мало расположения к русским и всеми способами эксплоатируют их.

Дворянство не только защищало Россию, оно и управляло ею. Посошков видел, что защищало оно ее весьма плохо. Он видел также, что и управляло оно ею не очень хорошо. В роли правящего класса оно обнаруживало жестокий произвол. Посошков на себе испытал это.

Планы преобразования, выработанные им, не заключали в себе ровно ничего революционного или радикального. Но даже одно то обстоятельство, что Посошков придумывал их, между прочим, для того, чтобы положить хоть некоторый предел своеволия «государевых холопов», делало его опасным в их глазах. Да и сам он понимал, что его проекты не могут понравиться служилому классу. Его «Книга о скудости и богатстве» была не публицистическим произведением, предназначенным для более или менее широкой публики, а

тайным докладом царю о разных «неисправах» в его царстве. В обращении к Петру, сопровождающем этот доклад, Посошков просил: «Да не явится мое имя ненавистливым и завистливым людям, паче же ябедникам и обидникам и любителям неправды, понеже не похлебуя им писах. И еще уведят о моей мизирности, то не попустят меня на свете ни малого времени жити, но прекратят живот мой». Так оно и вышло. «Книга о скудости и богатстве» помечена 24 февраля 1724г., а 29 августа следующего года он был арестован будто бы потому, что «явился в важной креминальной вине».

Посошков находил, что государство обязано методически вмешиваться в хозяйственную деятельность народа ради его воспитания. В этом он вполне сходился с меркантилистами Запада. Но в его проектах государственное вмешательство сразу получает старо-московский отпечаток. Вот, например, в «Книге о скудости и богатстве» он советует правительству настаивать на том, чтобы купцы брали за свои товары настоящую цену.

Ставя перед собой задачу развития производительных сил России, Посошков держался того убеждения, что мы можем обойтись без иностранных товаров, между тем как иностранцы не будут в состоянии и десяти лет прожить без наших.

Короче, Посошков выработал целую программу экономической политики. Программа эта заключает в себе все главные требования меркантилизма, приспособленные к русской социально-политической обстановке того времени. Весьма знаменательно, что программа эта была выставлена «купецким человеком»

Посошков не сделал ровно никаких открытий в экономической теории, а что качается экономической практики, т. е. экономической политики, то он выставил только ряд таких требований, которые гораздо раньше его формулированы были западно-европейскими меркантилистами, при чем облек их в форму, соответствовавшую социально-политической обстановке русской вотчинной монархии.

Читая «Книгу о скудости и богатстве», чувствуешь, как сильно болел Посошков бедствиями тяглой России. Такой боли незаметно ни в одном сочинении Ломоносова. Что он любил Россию и русский народ, в этом никакое сомнение невозможно. Но впечатления детства у него были иные, нежели у Посошкова, и он стремился служить России не посредством исправления важных общественных «неисправ», а распространением в ней просвещения.

Взятая в таком общем виде, — принесение пользы родине путем распространения в ней света науки, — это есть та программа, которую ставили себе все просветители всех стран. Но в каждой отдельной стране конкретная формулировка ее видоизменялась под влиянием социально-политической обстановки. Наши просветители первой половины XVIII века не примешивали к ней никаких пожеланий по части общественных реформ. В этом отношении Ломоносов, которого по его же собственным словам часто попрекали его крестьянским происхождением, был, пожалуй, самым типичным между ними. Он усердно просвещал жителей своей страны, но никогда не позволял себе «учить» ее правительство.

Однако и Ломоносову случалось вызывать неудовольствие начальства.

Россия только недавно выступила на путь западноевропейского просвещения. Правительство приглашало иностранных ученых в Россию. Но приглашенные им ученые не все бескорыстно любили науку, да не все были настоящими учеными. Они смотрели на русских людей сверху вниз и старались подчинить их себе, сделать образование своей монополией. Ломоносов видел, как видел Посошков, эти эксплоататорские поползновения иностранных торговцев, и опять, подобно Посошкову, стремился избавить русских от подчинения иностранцам.

Спокойно смотревший на «отяготения» крепостных крестьян помещиками, он выходил из себя, доказывая, что

иностранцы своекорыстно и недоброжелательно относятся к делу русского просвещения.

Предаваясь своим историческим занятиям, Ломоносов не забывал о так больно обижавшем его высокомерном взгляде образованных иностранцев на Россию и русский народ. Он хотел хорошо разукрасить нашу историю, надеясь, что «всяк, кто увидит в Российских преданиях равные дела и Героев Греческим и Римским подобных, унижать нас перед оными причины иметь не будет.

По словам Ломоносова, Петр поднял Россию на вершину славы. При таком взгляде естественно было приурочить все свои дальнейшие упования к просвещенной деятельности русских государей. Как и «ученая дружина», Ломоносов считал, что только правительству может принадлежать у нас почин прогрессивной деятельности. Так думали долго после него многие русские прогрессисты.

Было бы желательно, чтобы специалисты вновь подвергли критической оценке естественно-научные заслуги Ломоносова. Но и теперь уже очевидно, что Ломоносов был чрезвычайно выдающимся естествоиспытателем.

Впрочем, вопрос об естественно-научных заслугах Ломоносова должен быть рассмотрен историками естествознания в России. В истории русской общественной мысли, а также в истории европеизации нашего отечества, гораздо уместнее вопрос о не совсем понятной на первый взгляд судьбе, выпавшей на долю ученых работ Ломоносова.

Просветитель боролся в Ломоносове с ученым и мешал ему развернуть во всей полноте свои гениальные научные способности. А между тем Ломоносов не мог отказаться от своей деятельности просветителя; этого не позволяла ему его горячая любовь к родине.

Главными деятелями во всей истории нашей общественной мысли являются именно просветители. Некоторые из них обладали огромной силой теоретической мысли. Но собственно

просветительская деятельность почти всегда отвлекала их от занятий «чистой наукой». И они сами хорошо сознавали это.

Верховники и дворянство.

Петровская реформа дала русским людям гораздо большую возможность увидать, как живут «прочие народы», и узнать, что думают их умственные представители. Это находится вне всякого сомнения. Но, говоря об этом, надо всегда помнить, что русские люди, получившие возможность ознакомиться с общественной жизнью и общественной мыслью передовых народов Запада, принадлежали почти исключительно к служилому классу.

... надо сказать, что русская аристократия, — если только существовала она в XVIII веке, — состояла не только из двух княжеских родов: Голицыных и Долгоруких. Князья Трубецкие, Барятинские, Черкасские, гр. Мусин-Пушкин и некоторые другие тоже могли с полным основанием причислять себя к «фамильным людям». Высказав желание навсегда ограничить состав Совета восемью лицами, верховники тем самым вызвали неудовольствие во многих других знатных семьях. Недовольные верховниками аристократы сделали все от них зависевшее для того, чтобы помешать осуществлению замысла.

Родовитые люди преобразованной России до известной степени усвоили себе политические взгляды и стремления западно-европейских аристократов. Но когда дело дошло до проведения в жизнь этих взглядов, до осуществления этих стремлений, тогда повторилось то, что было постоянным явлением в Московской Руси: вместо того, чтобы соединенными силами вести борьбу против самовластия государей, наши бояре, не будучи в состоянии подняться выше родовых или кружковых целей, пошли друг против друга, чем существенно облегчили победу того же самовластия. Несмотря на свой европеизм, Долгорукие и Голицыны не сумели отделаться от этой странной боярской привычки. Они поставили свой замысел на слишком узкую основу, сделали из него плохо обдуманную придворную интригу («затейку», по выражению Ф.Прокоповича), тогда как

им представлялся хороший случай сделать открытый шаг в направлении к политической европеизации России.

Дворянство помогло московским государям сокрушить бояр. Теперь, когда два боярских рода захотели воспользоваться смертью Петра II для обеспечения себе решающего влияния на ход дел в стране, дворянство, — ставшее и российским «шляхетством», т. е. достигшее несколько более ясного политического сознания, — не могло явиться послушным орудием в их руках.

Мелкое дворянство, безусловно, стояло за самодержавие. Но средний и высший слой этого класса готовы были выставить свои условия. Эти слои стремились к более или менее значительному ослаблению своей зависимости по отношению к государству и государю. Они хотели ограничить обязательную службу дворянства известным сроком, обеспечить себя и свои имения от произвола верховной власти и, наконец, приобрести законное влияние на ход государственного управления. В различных кругах недовольного верховниками шляхетства выработано было до 10 проектов, подписанных более чем 1000 лицами. Эти проекты дают нам прекрасный материал для суждения о тогдашем «умоначертании» европеизированной части русского дворянства.

Наибольшей полнотой и систематичностью изложения отличается проект, составленный В.Н.Татищевым и решительно требующий упразднения Верховного Тайного Совета. Проект находит нужным, «в помощь Ее Величеству», учредить «Вышнее Правительство» или Сенат (в составе 21 «персоны»), деятельность которого дополнялась бы деятельностью «Нижнего Правительства», из 100 «персон», предназначавшегося, собственно, для заведования делами внутренней экономии.

В проекте определялся также порядок составления новых законов...

Петровская реформа, просветившая политические взгляды некоторой (небольшой) части служилого класса, не изменила соотношение политических сил в России и потому не могла непосредственно повести к изменению нашего политического строя. Напротив, одним из непосредственных ее последствий было продолжительное упрочение этого строя. Ему в значительной степени шло на пользу даже стремление передовых русских людей к свету знания. Если просвещенная часть дворянства не могла не сознавать, что западная «воля» лучше старой русской неволи, то, с другой стороны, мы уже знаем, что «ученая дружина», вызванная к жизни Петровской реформой, всецело сочувствовала самодержавию. В 1730 году она доказала это делом. Ф.Прокопович, А.Кантемир и В.Н.Татищев совершили все, от них зависящее, для того, чтобы поддержать Анну.

«Ученая дружина», восторженно превозносившая просветительную деятельность Петра, была горячей сторонницей просвещенного деспотизма.

Таким образом, получилось нечто парадоксальное; диалектика русского просветительского движения приводила к тому, что от мысли о политической свободе отмахивались как раз те, которые, в своем качестве наиболее просвещенных людей, казалось, должны были бы горячее всех остальных дорожить ею. Иначе сказать: просвещение становилось у нас источником своеобразного политического обскурантизма.

Нечто подобное этому парадоксальному явлению мы видим и на Западе, где просветители тоже питали веру в просвещенны деспотизм, или, — что будет в данном случае более точным выражением, — абсолютизм. Но там явление это было гораздо менее долговечно. У нас же и в XIX веке в среде прогрессистов долго не исчезало то убеждение, что правительство должно и может идти впереди «общества». В этом заключается одна из относительных особенностей развития нашей общественной мысли, коренящихся в относительных особенностях нашего исторического процесса.

Эпоха Екатерины II.

В нашей ученой литературе существует два мнения по вопросу о том, как высок был уровень экономического развития России во второй половине XVIII века. Одно из них нашло наиболее яркого выразителя своего в лице г. Чечулина; другое высказано было Е.В.Тарле.

По словам г. Чечулина... в экономической деятельности страны не создалось ничего нового, и она оставалась на очень низком экономическом уровне.

Наоборот, Е.В.Тарле утверждает, что в царствование Екатерины II Россия вовсе не была отсталой страной сравнительно даже с наиболее передовыми странами европейского материка, например, с Францией.

После пугачевщины волнения крестьян становятся в царствование Екатерины II гораздо менее частыми, чем они были до нее. Народ издержал тот запас энергии, который был у него прежде, и надолго стал неспособным к действенному протесту. В период, следовавший за пугачевским бунтом, его недовольство стало выражаться преимущественно в религиозных исканиях. Так и всегда бывает. Потеряв надежду обеспечить себе сносное житье-бытье на земле, люди начинают искать пути, ведущего в царство небесное.

Раскол, после пугачевщины значительно усиливший свое влияние на народную массу, не был учением о непротивлении злу насилием.

Движение Пугачева было энергично поддержано раскольниками. Пугачевцы не повторили крупной тактической ошибки сообщников Разина, вздумавших уверять народ. Что они защищают патриарха Никона. Напротив, Пугачев жаловал податное население «крестом», — старым осьмиконечным крестом, — и «бородою». Он и сам говорил языком раскольников и, может быть, разделял их взгляды.

Идя за Пугачевым, народ стремился свалить с себя гнет помещичьего государства и так или иначе, в той или другой мере, вернуться к старым порядкам, существовавшим до того

времени, когда это государство окончательно сложилось и окрепло. Он смотрел не вперед, — куда смотрело во второй половине XVIII века третье сословие во Франции, — а назад, в темную глубь прошедших времен. И в этом отношении он поступал совершенно так, как поступало когда-то ненавистное ему боярство. Ведь Курбский, обличая дикое самодурство Ивана IV, тоже смотрел назад, а не вперед. Назад смотрели и раскольники, приглашавшие народ умирать за древлее благочестие.

Это была своего рода историческая необходимость, коренившаяся в знакомых уже нам *относительных особенностях русского исторического процесса*. Как видим, необходимость эта не исчезла и *после Петровской реформы*. Лишь по прошествии продолжительного времени, лишь вл второй половине XIX столетия, отдаленные последствия преобразования, связанного с именем Петра, привели к появлению в народной массе сознательных элементов, способных, в борьбе за лучшее будущее, обратить свои умственные взоры не назад, а вперед, не туда, куда смотрели бояре, роптавшие на грозного царя, и раскольники, умиравшие за старую веру, а туда, куда смотрят сознательные слои трудящейся массы во всем цивилизованном мире.

3. Г.В.Плеханов «История русской общественной мысли». (цит. по указ. изд. М.-Л., 1925. Кн. 3. С. 26 – 351 выборочно).

Влияние западной общественной мысли.

Знаменитая екатерининская Комиссия о составлении нового Уложения как нельзя более ясно показала, что тот «средний род людей», который существовал в тогдашней России, — наш торгово-промышленный мир, — не был затронут влиянием французской освободительной философии и не задумывался о создании нового общественного порядка. Он был консервативен,

а отчасти даже и реакционен, ходатайствуя о восстановлении таких сторон нашего старого порядка, упадок которых, — отчасти вызывавшийся умножением дворянских привилегий, — наносил вред его интересам. Что касается дворянства, то хотя его образованные представители очень охотно читали Вольтера и других модных французских просветителей, но, как сословие, оно не могло увлечься тем, что составляло живую душу освободительной философии: стремлением уничтожить все сословные привилегии и тем поставить трудящуюся массу в новые, более свободные условия существования. Дворянство не только желало сохранения крепостного права, но, как мы знаем, с большим успехом добивалось его расширения.

Изо всего этого следует, что если во второй половине XVIII столетия затронутые западным влиянием русские люди уже гораздо меньше склонны были смотреть на просвещение с точки зрения той непосредственной, практической (технической) пользы, какую оно может принести государству, то у них еще не могло быть серьезного интереса к философским теориям, провозглашавшим необходимость коренного общественного переустройства.

Часто говорят до сих пор, что если тогдашнее русское общество не желало осуществления практических требований французской освободительной философии, а потому и не имело серьезного интереса к ней, то и тогда уже были у нас отдельные личности, относившиеся к ней весьма серьезно и готовые всячески содействовать проведению в жизнь ее практических выводов. В ряду таких личностей первое место отводится императрице Екатерине II.

Неоспоримо, что уже при Екатерине II у нас начали появляться личности, – пока еще *только* отдельные личности! – способные искренно увлечься передовыми освободительными стремлениями своей эпохи и посвятить свои силы их проведению в жизнь. Известно, как дорого поплатились они за эту свою способность. Но сама Екатерина не принадлежала к их числу.

Лучшие из просветителей готовы были поддерживать абсолютную власть государей с тем, чтобы они как можно скорее воспользовались ею для освобождения своих подданных, т. е. для уничтожения абсолютной власти. Наоборот, «просвещенные» государи заигрывали с философами для того, чтобы с их помощью как можно больше укрепить эту власть, уничтожив все старинные учреждения, налагавшие на нее какуюнибудь узду. При таком разномыслии сговориться было невозможно, несмотря на взаимные комплементы, раздававшиеся тем чаще, чем меньше серьезного влияния могли они иметь на деятельность обеих сторон.

Те русские люди, которые усвоили себе стремления передовых просветителей XVIII века, видели противоречие, существовавшее между теорией Екатерины и ее практикой, и раздражались им. Но таких было крайне мало. Огромное большинство не замечало противоречия, а если и замечало, то не видело нужды в его устранении. Оно было довольно.

Поскольку освободительная французская философия способствовала у нас очищению самодержавия от «примесов тиранства», постольку ее влияние должно быть признано плодотворным, как бы ни были малы его размеры.

Но когда речь заходит о *нравственном* влиянии названной философии на русских людей XVIII столетия, тогда дело быстро принимает другой оборот. Кроме проф. Незеленова ... многие другие исследователи признавали, что философия *дурно* повлияла на русское общество своими «дурными сторонами». Вопрос этот заслуживает внимательного рассмотрения.

Французская философия XVIII века изучается у нас чаще по немецким источникам. Известный Герман Геттнер до сих пор сплошь и рядом цитируется нашими исследователями как серьезный авторитет по части этой философии. Но, во-первых, он знал ее весьма поверхностно; во-вторых, он лишен был той смелости мысли, которая необходима всякому историку, имеющему дело с писателями революционной эпохи.

Профессор Незеленов утверждал, что французская освободительная философия способствовала распространению в русской литературе чувственности, легкомыслия и снисходительного отношения к жизненному злу. Едва ли нужно пояснять, что не могла снисходительно относиться к жизненному злу та философия, которая сама была не чем иным, как идеологическим выражением борьбы третьего сословия с жизненным злом старого порядка.

Русские просветители не могли отрицать правильности того вывода из учения французских философов о человеческой природе, согласно которому характер человека становится хорошим только там, где хороша общественная обстановка.

По учению французских философов, такой общественной обстановки еще не существовало даже в самых передовых странах цивилизованного мира. Речь шла именно о том, чтобы создать ее посредством общественной и политической реформы. Стремление к такой реформе и составляло революционную сущность французской освободительной философии.

В своем огромнейшем большинстве русские просветители не разделяли этого стремления. Они еще не пришли к той мысли, что русская действительность нуждается в коренной переделке.

... в эпоху издания «Трутня», «Живописца» и «Кошелька» Новиков был одним из самых передовых русских людей, это совершенно неоспоримо. Но как умеренны были взгляды этого, тогда еще весьма передового человека, видно из его отношения к вопросу о свободе печати. Подобно всем своим европеизованным современникам, Новиков восхищался тем, что Екатерина дала своим подданным свободу мыслить и говорить.

Но ему и в голову не приходило, что можно совсем отменить цензуру.

... передовые русские люди склонны были рассматривать весьма непохвальные подвиги преемников Петра не как общее правило, а как случайные исключения. Они ждали, что вот-вот, не сегодня-завтра, исключения отойдут в область тяжелых

воспоминаний, и общее правило обнаружит, наконец, свою плодотворную силу. Когда на престол вступила Екатерина II, они было подумали, что «Моисеев жезл» начнет теперь работать, как не работал даже и при Петре I. А когда они увидели, что у жезла два конца, и что конец, направленный против слишком усердных просветителей, работает гораздо увереннее и энергичнее, нежели конец, обращенный против слишком тупых защитников старины, то в их душах возникли сомнения, оставшиеся чуждыми передовым людям Петровской эпохи: «ученая дружина» второй половины XVIII столетия, – я хочу сказать: наиболее передовая часть тогдашней интеллигенции, – начала мало-по-малу утрачивать веру в самодержавие.

Я не говорю: *утратила*, а именно только *начала утрачивать* и только *мало-по-малу*. Эта утрата представляет собою длительный процесс...

Здесь же мне нужно было только отметить, что в указанную эпоху он не только начался, но уже дал себя почувствовать в литературе.

Самым крупным сатирическим талантом был у нас, во второй половине XVIII столетия, Денис Иванович Фон-Визин.

В.Г.Белинский в немногих словах превосходно выяснил истинное значение литературной деятельности Фон-Визина. «Бригадир» и «Недоросль» не могут называться комедиями в художественном смысле этого слова, заметил он; они представляют собою скорее плод усилия русской сатиры стать комедией. Это замечание Белинского не помешало ему, однако, признать, что, не будучи истинно художественными, эти комедии все-таки являются замечательными литературными произведениями, «драгоценными летописями общественности того времени».

Воззрения Фон-Визина до конца оставались вовсе несогласованными между собою и противоречивыми. Он способен был почти одновременно высказывать прямо противоположные суждения. Для истории общественной мысли это важно, не только потому, что Фон-Визину принадлежит

большое место в нашей литературе XVIII века, но еще и потому, что в этом отношении на него похожи были очень многие просвещенные россияне второй половины XVIII столетия.

Надо помнить, однако, что консерватизм почти всегда преобладал в воззрениях нашего сатирика. Екатерина была неправа, когда жаловалась: «Плохо мне приходит жить! Уже г. Фон-Визин хочет учить меня царствовать!».

Сатирики Екатерининской эпохи не переставали осмеивать доверчивость русских по отношению к французам. В своих сатирических изданиях Новиков боролся с этой доверчивостью, как с большим общественным злом.

В настойчивых наступлениях нашей сатирической литературы против французского влияния на Россию очень явственно слышится голос оскорбленного национального чувства. Оскорбленное национальное чувство непременно должно было вызвать и действительно вызвало у русских писателей стремление к идеализации России и русского народного характера.

Отношение России к Западу.

Вопрос об отношении России к Западу заключал в себе собственно два вопроса: 1) Способна ли, и если — да, то в какой мере способна, Россия усвоить себе западно-европейскую цивилизацию? 2) Желательно ли такое усвоение?

Фон-Визин, субъективисты и легальные народники, полагавшие, что Россия может, не в пример Западу, выбрать для себя «любую форму» дальнейшего развития, рассуждали в духе того, в большой степени свойственного миросозерцанию просветителей, идеалистического элемента, под влиянием которого Дидро мог... радоваться отсталости России, а Рейналь мог приурочивать всю будущность русского прогресса к просвещенному деспотизму северной Семирамиды. И наоборот, Белинский и «русские ученики» Маркса, утверждавшие, что дело русского прогресса будет иметь под собою твердую почву только тогда, когда в России разовьется капитализм, рассуждали в духе

того, тоже свойственного миросозерцанию просветителей, материалистического элемента, под влиянием которого энциклопедисты говорили, что чувства и взгляды человека определяются окружающей его средой, а тот же Рейналь писал, что ничего не выйдет из попыток насадить западно-европейское просвещение в такой стране, где отсутствует третье сословие, составляющее главную отличительную особенность новейшего западно-европейского общества.

Многотомный труд Рейналя произвел большое впечатление на передовых русских людей последней четверти XVIII века. Его внимательно читал автор «Путешествия из Петербурга в Москву».

Вообще, материалистическая мысль о развитии третьего сословия, как о необходимом предварительном условии прогрессивного движения в области идей и знаний, не привилась в передовой русской литературе XVIII столетия.

Разумеется, мысль эта не осталась неизвестной русским читателям. Сама Екатерина обещала, как мы знаем, г-же Жоффрэн завести в России третье сословие.

Люди, мечтавшие у нас о свободе, были тогда, в области общественно-исторических идей, *идеалистами*, между тем как на правой стороне, — точнее в центре, — нашей тогдашней интеллигенции мы встречаем писателя, имевшего известную склонность к историческому *материализму*. Это был Иван Никитич Болтин (1735 — 1792). Он заимствовал у французских писателей материалистическое учение о решающем влиянии «климата» на общественно-политические отношения.

М.О.Коялович сказал, что И.Н.Болтина можно, не без некоторого основания, назвать предтечею славянофилов.

Наш историк [Болтин] принадлежал к числу тех идеологов русского дворянства, которые были вполне удовлетворены «вольностями», дарованными их сословию Екатериной II, а также... и крепостнической политикой этой государыни по отношению к «земледельцам». Вот почему, когда этот, во всяком случае умный и весьма сведущий, человек принимался думать об

отношении России к Западу, он додумывался лишь до того, уже знакомого нам по письмам Фон-Визина, консервативного афоризма, что на Западе, люди жили и живут ничем не лучше, нежели в России, или что «славны бубны за горами». Очень мало утешительный в практическом смысле вывод этот был, к тому же, совершенно бессодержателен в смысле теории.

Вопрос об отношении России к Западу уже в то время становился у нас вопросом о вероятном направлении и о возможных шансах прогрессивного развития нашей страны. Это был самый важный, самый мучительный из всех вопросов, когдалибо возникавших перед русской интеллигенцией. Но под пером Болтина он превращался в вопрос нашего национального самолюбия, обижаемого тем видом превосходства, с которым иностранцы, обогнавшие нас на пути цивилизации, отзывались, — как и доныне продолжают отзываться, — о России. Национальное самолюбие, конечно, не лишено правомерности. Невозможно и совсем нежелательно существование народов, способных мириться с пренебрежительным отношением к ним со стороны иностранцев.

Если же в сатирической нашей литературе нападки на подражание иностранцам получали иногда консервативный, — чтобы не сказать: реакционный, — привкус, то у Болтина они сделались сознательно и откровенно консервативными.

Итак, Петр I учился у Запада, а Екатерина II сама учит Запад...

В нашей литературе XIX столетия идеализация старого русского быта вызывалась иногда желанием передовых писателей дать историческое обоснование своей демократической программе.

Само собой разумеется, что Екатерина II никак не могла увлекаться «вольностью» доброго старого времени, да и не имела о ней ни хорошего, ни дурного представления.

Отнюдь не демократические порывы побудили ее к идеализации старых русских нравов. Идеализация эта у нее

имела смысл превознесения тех сторон русской жизни, благодаря которым сложилась и окрепла беспредельно власть русских монархов.

Значит, при беспримерной в Европе любви русского народа к своим государям, нужно было только придать «нашему образу правления» побольше энергии, чтоб обезопасить себя от революционных попыток. В энергии у Екатерины II недостатка не было. И она умела находить себе энергичных помощников. Поэтому ей оставалось только осыпать похвалами характер русского народа и считать его идеализацию делом глубокой государственной мудрости. Во всяком случае, наша «государыня-публицист» превзошла всех современных ей русских писателей своим усердием по части идеализации в охранительном направлении.

Излишне говорить, что идеализация эта, равно как и все полемические выступления Екатерины против иностранных хулителей русских порядков, ничего не дала для сколько-нибудь серьезного и плодотворного решения вопроса о том, как может и как должна Россия относиться к Западу.

Кн. М.М.Щербатов (1733 — 1790) был во второй половине XVIII века едва ли не самым замечательным идеологом русского дворянства. Но дворянская идеология имела у него свой особый оттенок. Между тем как Болтин, в борьбе между породой и чином, стоял на стороне этого последнего, Щербатов уже в Комиссии горячо защищал породу.

Позицией, занятой им в этой борьбе, определилось и его отношение к Петровской реформе.

Как идеолог дворянства, он вообще не мог одобрить те ее стороны и те ее последствия, которые невыгодно отразились на интересах служилого сословия.

Русский исторический процесс все более и более вынуждал породу давать дорогу чину. Ввиду этого, у идеологов породы естественно возникала склонность к идеализации прошлого. Но Петровская реформа не щадила прошлого. Поэтому, даже признавая историческую необходимость реформы, идеологи

nopodы должны были делать по ее поводу более значительные оговорки, нежели идеологи uuha.

...Щербатов думал, что старый московский быт похож был на счастливый быт первобытных народов отсутствием в нем *«сластолюбия»*, которое казалось ему главной причиной повреждения русских нравов.

Петровская реформа, которую Щербатов называет нужной, но, может быть, излишней переменой, нарушила старые русские обычаи, открыла сластолюбию доступ в русские сердца, привела к упадку старинных родов и породила всеобщую погоню за наживой.

Таковы были, по Щербатову, следствия совершенной Петром I «нужной, но, может быть, излишней перемены». Они оказались у него совсем непривлекательными. Поэтому его тоже называли иногда предшественником славянофилов.

... Щербатов опять же, как и Болтин, был учеником французских просветителей. Но между тем как Болтин, пытаясь додуматься до научного взгляда на ход истории, усвоил себе один из материалистических элементов, входивших в миросозерцание некоторых французских просветителей, Щербатов держался исторического идеализма.

Подводя итог всему, до сих пор сказанному в этой главе, надо будет признать, что на вопрос о том, желательна ли европеизация России, французские просветители единогласно отвечали в утвердительном смысле; Руссо в счет не идет, так как он не был настоящим просветителем.

Что же касается вопроса о способности России к полному усвоению западно-европейской цивилизации, то на него получался от них ответ не вполне определенный. Некоторым из них бросалась в глаза огромная разница между общественно-политическим строем России, с одной стороны, и тем же строем передовых западных стран — с другой. Весьма основательно считая третье сословие главным носителем новейшей цивилизации, они сомневались в будущности русского

просвещения, так как в России сословие это было развито очень слабо или, как им казалось, совершенно отсутствовало.

Иначе отвечали на эти два вопроса тогдашние русские писатели. Некоторые из них были убеждены, что Россия, в качестве очень молодой страны, может выбрать себе любую «форму». Другие сомневались в этом, принимая в соображение известные особенности русских «нравов» и считая нравы наиболее устойчивым фактором общественного развития. А на вопрос о желательности усвоения Россией западно-европейской цивилизации они отвечали, хотя и утвердительно, однако с большими оговорками. И совершенно ясно, что, делая такие оговорки, они повиновались внушениям сословного эгоизма: полное усвоение Россией западно-европейской цивилизации справедливо представлялось им опасным для привилегий того сословия, идеологами которого они выступали.

Вопрос о самодержавии.

Братья Панины со своим взглядом на великое значение «фундаментальных» законов были редким, но все же не единичным явлением в русской дворянской среде Екатерининской эпохи. О таких законах мечтал и знакомый нам кн. М.М.Щербатов, называвший их основательными законами. Он считал «основательные» законы необходимым признаком монархии в ее противоположности с самовластием или «деспотичеством»...

В действительной России дворянство не могло совершенно уединить верховную власть от народа, который считал ее своей доброжелательницей. Это чрезвычайно усиливало политическую позицию центральной власти...

Врагом самовластия довольно долго считался у нас Я.Б.Княжнин за его трагедию «Вадим Новгородский», когда-то наделавшую суматоху «в сферах».

Весьма ошибочно было бы считать злополучную трагедию Я.Б.Княжнина выражением республиканского взгляда.

Я.Б.Княжнин, вероятно, так и умер в том же убеждении, что Екатерина II принесла с собой блаженство всему населению России. Он был убежденным монархистом. Однако его неукротимые республиканцы своими речами, несомненно заимствованными у французов, могли вызвать или укрепить чувство политического протеста в сердце иного зрителя или читателя.

Теперь я хочу посвятить две-три страницы мало известному, талантливому, мало влиятельному, но искреннему, пытливому и много пострадавшему Федору Кречетову. Его пример довольно поучителен.

Дворянин по происхождению, но, кажется, плохо обеспеченный, Кречетов начал службу писцом в канцелярии Карачевского воеводы (1761г.). Потом он служил копиистом в государственной юстиц-коллегии, писарем в штабе фельдмаршала Разумовского и т.п. В 1775г. он, дотянув до подпоручика, вышел в отставку...

Хотя Кречетов, мысль которого совпала тут с заветной думой народа, и находил, что дворянская вольность логически должна повести за собой освобождение крестьян от крепостной зависимости; хотя он, кажется, и соглашался с тем, что нужны законы, устрашающие благородных, но к народу он относился с презрительным недоверием. Отвергая приписываемое ему намерение освободить крестьян посредством военного бунта, он утверждал, что «и мыслей таковых иметь не мог», так как хорошо знает, какие бедствия могут произойти «в общежитии из вольности невежд».

...и если, с другой стороны, лица, держащие в своих руках судьбы страны, пренебрегают ее благом, то выхода нет, спасения ждать неоткуда. Это умозаключение само собой должно было навязываться по временам Кречетову. И поскольку он останавливался на нем, постольку он должен был переживать безотрадное настроение.

Реакция против освободительной философии.

Мистицизм XVIII века местами глубоко проник в масонское движение.

Английское масонство того времени собою стремление к компромиссу между различными христианскими вероисповеданиями...

Английская «система» проникла и во Францию, где существовали ложи, вероятно значительно более передовые по своим взглядам, нежели собственно английские.

Как объяснено выше, упадок старого порядка вызывал возникновение и распространение мистицизма, который проникал также и во многие масонские ложи, члены которых, под его влиянием, начинали деятельно заниматься всякого рода «тайными» науками... Эти французские ложи имели реакционный характер. Кабалистика служила в них орудием борьбы с новой французской философией.

В Германии, далеко отстававшей тогда от Франции на пути общественного развития, дух мистицизма встречал менее решительный отпор со стороны передовых мыслителей и потому распространялся сильнее.

Нечего и говорить, что литературные опыты молодых людей были, благодаря Шварцу, насквозь пропитаны мистическим духом.

Но Шварц не удовлетворился влиянием на учащуюся молодежь. Он постарался приобрести и упрочить свое влияние в тех слоях московского общества, которые по той или по другой причине, склонялись к мистицизму. При его деятельном участии основано было осенью 1782г. «Дружеское ученое общество», занимавшееся также благотворительностью.

Влияние Шварца на учащуюся молодежь сравнивали с тем влиянием, которое приобрел в сороковых годах XIX века Грановский, а его влияние на своих друзей уподобляли влиянию Станкевича.

...если Грановский и Станкевич приобрели неизгладимое влияние на умы своих почитателей, то влияние это было

прогрессивным. Наоборот, Шварц влиял на своих слушателей и друзей в духе мистического абскурантизма, отнимавшего у них всякую возможность усвоить себе передовые идеи своего времени. Когда Шварца называют ревнителем просвещения, то забывают, что «просвещение», к которому он стремился, на самом деле являлось мрачной и свирепой реакцией против просвещения XVIII века. И чем планомернее, чем настойчивее и самоотверженнее была его деятельность, тем больше вреда приносила она только что начавшемуся европеизироваться русскому обществу.

А.В.Семека, признавая, что розенкрейцерство было на Западе «явлением умственной отсталости», находит, однако, что в России оно было «совершенною новостью» и принесло свою долю пользы.

Разумеется, если считать, что проникновение в Россию освободительной французской философии нарушало правильный ход нашей культуры и что, поэтому, борьба с нею была первой задачей русской общественной мысли, то приходится «прежде всего» поблагодарить русских розенкрейцеров за огромное усердие проявленное при решении этой задачи. Но в этом случае позволительно спросить себя: неужели же с «вольтерьянством» можно было бороться только посредством дикой фантастики розенкрейцеров?

Порожденная тем самым процессом общественного развития, который, с другой стороны, вызвал к жизни освободительную французскую философию, мистика эта, представлявшая собою одно из средств духовно борьбы с движением третьего сословия, гораздо больше, нежели старая христианская догматика т обрядность, годилась для внесения полного мира в души, прошедшие через «вольтерьянство». Поэтому и тяготели к ней русские люди, разрывавшие с новым французским учением.

Французская революция с ее крайним обострением классовой борьбы составила эпоху в истории общественной мысли Европы вообще и России в частности. Практические планы французских социалистов-утопистов в значительной

степени подсказывались стремлением найти средство для примирения классов.

...уже в XVIII веке французская революция вызвала целый переполох в нашем обществе. И едва ли имела она в России более сознательных и, — главное, — более последовательных противников, чем были московские розенкрейцеры. Они занимали у нас тогда самое видное место между теми европеизированными русскими людьми, которые стали отрицательно относиться к Западу, опасаясь революционного воздействия его на Россию.

Наконец, — и это самое главное, — даже так называемая просветительская деятельность московских розенкрейцеров, равно как и широкая помощь, оказанная ими голодающему крестьянству в неурожайный 1787 год, объясняется только тем, что ненавистная им освободительная французская философия присоединила в их душах «человека» к «помещику» и «мистику».

И, если московские розенкрейцеры не остались глухи к стонам голодающего крестьянства, то неясно ли, что здесь они пошли по пути, указанному именно освободительной философией?

Деятельность Н.И.Новикова.

Со славянофилами Новикова, как и Фон-Визина, как и Лопухина, роднит боязнь передовых идей Запада. Так как главным очагом этих идей была Франция, то он, подобно Фон-Визину, решительно *предпочитал немцев французам*. В «Разговоре между Немцем и Французом» первый из двух собеседников выступает перед нами образцом «чистосердечия», а второй изображен отъявленным негодяем.

Наконец, — и это самое главное,— Новиков не нашел в старинной жизни России таких ценностей, противопоставление которых передовому общественному и идейному движению Запада могло бы дать ему сколько-нибудь прочное удовлетворение.

В течение некоторого времени Новиков сильно склонялся к идеализации русских нравов доброго старого времени: Петровской и даже допетровской эпохи.

Усовершенствование индивидуальной нравственности людей посредством влияния более добродетельных индивидуумов на менее добродетельных, — такова программа действий, которую выработал себе Новиков, сделавшись мистиком. Но совершенно такова же была программа всех московских розенкрейцеров. Разница лишь в том, что Новиков гораздо деятельнее, нежели другие, осуществлял эту программу.

Почему мистики показали себя гораздо более склонными к работе в области филантропии и просвещения (как они его понимали), нежели «вольтерьянцы»?

Если мистики больше «вольтерьянцев» потрудились в указанных областях, то этим они обязаны были наличности в их среде «мещанства», самым деятельным элементом которого были разночинцы, а самым выдающимся идеологом явился Новиков.

...Новиков до самой смерти своей (31 июля 1818г.) оставался глубоко убежденным розенкрейцером. Но и Шлиссельбург не убил в нем склонности к «просветительной» и благотворительной деятельности. Вместе со своим другом Гамалеей он усердно готовил материал для огромного труда...

Время не уничтожило благородных порывов в душе этого замечательного человека. Грустно становится при воспоминании о перенесенных им страданиях и о тех до последней степени неблагоприятных условиях, в которых совершалось его умственное развитие и которые привели его в тупой переулок кабалистики, магии и прочих «знаний». Поистине, Новиков заслуживал гораздо лучшей участи.

А.Н.Радищев.

Миросозерцание Радищева, хотя и не тождественно с миросозерцанием передового человека нашего времени...

соображением, что побролегольный человов своболен двак

однако связано с ним узами близкого родства. Идеи, на которых он воспитался, были теми идеями, под знаменем которых совершился плодотворный общественный переворот конца XVIII века и которые частью до сих пор сохранили свое значение, а частью послужили теоретическим материалом для выработки нынешних наших понятий.

... Радищев вырос в обстановке, значительно облегчившей для него усвоение наиболее прогрессивных теорий того времени.

Ушаков был центральной фигурой между русскими студентами в Лейпциге. Те взгляды, до которых доработался он, имели большое влияние на понятия, определившие собой последующую деятельность многих его товарищей. Радищев, написавший «житие» Ушакова и сохранивший для нас его... статьи, был согласен с ним, в очень многом, если не во всем.

Наиболее характерной чертой этих воззрений является большая или меньшая близость их к теориям передовых французских мыслителей...

Радищев, всегда внимательно следивший за передовыми течениями западно-европейской литературы, не мог не ощутить, так или иначе, приближения революционной бури во Франции.

Вот почему он опять взялся за свое перо, давно уже лежавшее без употребления.

В 1789г. вышло его, не раз уже упомянутое мною, «Житие Ф.В.Ушакова», заключащее в себе драгоценные данные для его собственной биографии. Если судить по этому сочинению, то главным его интересом был тогда интерес политический. Он метко характеризует нравы нашей бюрократии, рассматривая их как неизбежный результат нашего политического строя.

Что же делать? Неужели мириться с деспотическими привычками лиц, власть имеющих? Или утешаться тем соображением, что добродетельный человек свободен даже в цепях? Ни то, ни другое. Нужно бороться; нужно научиться давать отпор более или менее высокопоставленным деспотам. Гражданин служит своей стране, но не прислуживается к

правил, которым он следовал в своей практической жизни и которые были изложены им в его сочинениях.

начальству. На этот счет Радищев выработал себе целый ряд